

Троица решила выехать ближе к вечеру: сделать крюк от Врат Главного Начала к Храму Городского Покровителя на Западной улице. Отправляться напрямик от главных ворот поместья было слишком заметно. А чтобы его не узнали прохожие, Су Бэйлян специально разыскал скромное лазурное одеяние.

Наряд запрятали на совесть: уложили в парчовый ларец и задвинули на самое дно шкафа. Не переверни Бэйлян кучу одежды в поисках потайного оружия, ни за что бы не наткнулся. Раз уж прежний хозяин так берёт эту вещь, Су Бэйлян рассчитывал увидеть нечто сокровищное. Однако, открыв шкатулку с замиранием сердца, обнаружил лишь простое лазурное одеяние: узкие плечи, струящиеся рукава и расклешённый от талии подол. Ткань оказалась вполне обыкновенной, к тому же от долгого хранения пропиталась странным запахом.

Впрочем, беда небольшая: стоило выйти на свежий воздух, и душок развеялся бы.

Когда Су Бэйлян появился перед спутниками в этом одеянии, Ло Синцзю и Су Цянь на мгновение застыли. Маленький наследный принц подошёл ближе и осторожно потрогал рукав:

— Августейший дядя, почему вы надели именно это?

Су Бэйлян приподнял руку, разглядывая себя:

— Для прогулки по ярмарке пышные наряды ни к чему. Разве так плохо?

— Очень даже хорошо! — с улыбкой кивнула Ло Синцзю. — Главное, что вы, дядя, хороши собой. Вам хоть мешковину накинь — всё равно затмите любого вельможу!

Лесть сыпалась без удержу.

А вот Су Цянь нахмурился:

— От этой ткани веет горьким миндалём. Похоже, сушёную пеньку выкрасили травой змеиного сока. Это особый способ окрашивания, ведомый лишь мастерам Южного Колдовства. Такая ткань отпугивает гнуса и грызунов, но сама по себе слегка ядовита.

— Ядовитая?! — Ло Синцзю, только потянувшаяся к ткани, тут же отдернула руку.

Су Бэйлян и сам онемел, с опаской оглядев собственный халат.

Недоумение нарастало. Откуда мальчишке знать о Ване Ляне то, о чём даже он, автор оригинала, понятия не имел? Если так пойдёт и дальше, разоблачения не миновать.

Пришлось сделать вид, будто всё под контролем, и состряпать убедительную отговорку:

— Пустяки. Этот яд опасен лишь для мошек да мышей, а человеку вреда не причинит. Иначе бы ремесло не просуществовало сотню лет.

Увы, заветная уловка рухнула в то же мгновение.

— Яд вовсе не безвреден, — возразил Су Цянь. — Просто в роду Южного Колдовства принято добавлять ядовитые снадобья в пищу. За долгие годы в их жилах накапливается отравка, так что к подобной мелочи у них естественная цепкость. Неужто дядя, вкушающий ядовитые травы изо дня в день, не ведаёт об этом?

Наследный принц не сводил с него пристального взора. Он не просто поправлял собеседника — он допрашивал его взглядом. Этот пронзительный прицел скользил сверху вниз и слева направо, словно сканер на досмотре, проникая сквозь плоть до самых костей.

По спине Су Бэйляня промчалась ледяная струйка пота.

К счастью, Ло Синцзю не заметила сгустившихся туч. Едва Евнух Ань доложил, что экипаж у ворот, девочка подхватила обоих спутников за рукава и потащила к выходу. Неловкая тема благополучно замялась.

Оказавшись в карете, Су Бэйлян не знал, куда девать взгляд. Он панически боялся поднять голову и снова наткнуться на немигающий взор Су Цяня.

Не выдержав, он мысленно воззвал к системе:

«И что теперь делать?! Он явно заподозрил неладное! Ты же сам говорил: если раскрыть, что я не настоящий Ван Лян, этот мир попросту рухнет?!»

«Хозяин 444, без паники! Уровень подозрения пока не вырос. Это значит, что он считает ваше поведение лишь слегка странным, но не думает, что вы другой человек».

«Но ведь так я точно провалюсь! Откуда он знает детали, о которых я в романе даже не заикался?!»

«Гневные отзывы читателей вызвали сбои в ткани этого мира. Вероятно, перед нами очередной баг. Я немедленно свяжусь с Главным штабом для устранения неполадок!»

«И сколько ждать?! Боюсь, я до этого дня просто не доживу!»

Тишина.

«Эй! Ты тут?!»

Ответа не последовало.

«Чёрт бы тебя драл...»

Сколько Су Бэйлян ни надрывался в мыслях, система затаилась. Вернувшись к реальности, он почувствовал смертельную усталость.

Отодвинув занавеску, он выглянул наружу. За окном сгущались сумерки, зажигались тысячи огней. Обычно на Западной улице было нелюдно, но в честь ярмарки на ловлю праздника высыпала полная толпа: прохожие задевали друг друга плечами, а среди люда то и дело с трудом пробирались повозки и паланкины.

На ивах вдоль дороги покачивались яркие фонарики, у лотков толпились покупатели, а торговцы с тележками наперебой выкрикивали свой товар. В древности развлечений водилось немного, так что пропустить пышную ярмарку никто не хотел.

Ло Синцзю высунула голову у него из-под руки и внезапно задорно закричала:

— Августейший дядя! Тормозите, скорей тормозите! Я увидела кое-что интересное!

Девчушка так азартно тарабанила ладошками по раме, словно намеревалась сию секунду выпрыгнуть на ходу. Су Бэйлян сдержал улыбку. Страсть к покупкам — воистину неискоренимая женская черта, не ведающая ни эпох, ни возраста.

Велев кучеру пристановиться, он вывел детей из экипажа и приказал ждать на перекрёстке до окончания гуляний.

Ло Синцзю потащила упирающегося Су Цяня к лотку с книжонками. Порывшись в стопке романов, она выудила две книжицы:

— Дядюшка, почем отдашь?

— Двадцать пять медяков за штуку, — отозвался торговец. — Заберёшь обе — отдам за сорок!

Ло Синцзю поняливо кивнула, но даже не подумала лезть за кошельком. Вместо этого она уставилась на Су Цяня:

— Батюшка, я хочу эти две. Плати!

Её требовательный тон был до того естественным, что Су Цянь лишь ухмыльнулся:

— Да откуда у меня медяки? Все деньги у твоей матушки!

С этими словами мальчишка развернулся и во весь голос крикнул Су Бэйляню, стоявшему неподалёку:

— Дражайшая супруга! А-Цзю хочет книжки! Иди скорей, расплатись!

Зычный голос разнёсся, казалось, на сто шагов вокруг.

Под изумлёнными взглядами толпы молодой мужчина лет двадцати пяти с мрачнейшей миной подошёл к проказникам. Он мгновенно зажал мальчишке рот ладонью, суматошно отсчитал монеты и, сгребнув обоих ребятишек в охапку, поспешно увлёк их прочь.

Продавец, услышавший, как девчушка назвала мальчишку отцом, поначалу списал всё на собственную глухоту. Но глядя, как взрослый господин послушно платит по кличу «супруга», ошеломлённо разинул рот.

Дражайшая жёнка?! Вы это серьёзно?! Да он же ему в старшие братья годится!

Торговец прикусил полученную серебряную монету зубом. Ну и ну... Чего только не увидишь на белом свете!

Су Бэйлян заташил двух негодников в тихую чайную. Не будь вокруг столько народу, он бы отсыпал каждому по сочному щелбану.

Вообще-то он считал себя человеком отходчивым и терпимым. Шутки шутками, но зачем устраивать подобный балаган у всех на виду?! Благо дело происходило в древности, где у народа фантазия не столь испорчена. Окажись они в XXI веке, его бы тут же скрутили и упекли за совращение малолетних!

«Паршивец, да я же к тебе со всей душой! За что ты так измываешься над родным дядей?!»

Видя, что Су Бэйлян мрачно молчит, Су Цянь с невинным видом потянул его за рукав:

— Августейший дядя, вы рассердились?

Су Бэйлян решительно стряхнул его руку:

— Не трогай. Одежда ядовитая.

Су Цянь осторожно выудил из вазочки конфету с османтусом и поднёс к его губам:

— Тогда... съешьте сладость, дядя?

Ло Синцзю не отставала. Вытащив из розетки сушёную сливу, она протиснулась ближе:

— Дядечка такой красивый, не надо хмуриться! Ну простите нас, а?

Глядя на две пары умоляющих глаз, Су Бэйлян почувствовал, как весь гнев улетучивается без остатка.

Воспитание детей — это вечные качели между раем и адом: когда они милы, сердце тает, а когда проказничают — готов взвыть от досады! Да и стоит ли взрослому человеку всерьёз обижаться на малышню?

Забрав угощения из их рук, он вздохнул:

— Чтобы это было в последний раз. Вернёмся — оба сядете за наказание. Перепишете «Правила для учащихся» по одному разу.

— А-ах! — ахнула Ло Синцзю. — Но я же грамоте не обучена, дядя!

На этот раз Су Бэйлян не поддался:

— Раз не грамотна, зачем книжки покупала?

— Так там же картинки!

Су Бэйлян расплылся в ласковой улыбке:

— Ах, картинки, значит... — И мгновенно сменил милость на суровость, протянув ладонь: — А ну-ка, дай сюда!

— Дядечка-а-а...

— Живо!

— Хнык... Вообще-то там и слова есть...

Ло Синцзю нехотя протянула ему книжицы, не сводя с них тревожного взгляда — будто боялась, что их отобрали навсегда. Она переводила взор с книжек на Су Бэйляня, как вдруг её взгляд зацепился за отворот его воротника.

— Дядя, а у вас на воротнике какие-то иероглифы? — Она потянулась и аккуратно отогнула край ткани. — «Бай... Мо... Хань»... Это чьё-то имя? А кто такая Бай Мохань?

При этих словах замёрз не только Су Бэйлян — даже Су Цянь, сидевший напротив, заметно вздрогнул.

Су Бэйлян поднёс руку к затылку и ощупал внутреннюю сторону воротника. Пальцы действительно нащупали мелко вышитые нитью знаки. Вышивка была настолько крошечной, что при надевании он ничего не заметил.

Бай Мохань... Согласно сюжету романа, так звали родную мать Вана Ляна. Первая красавица Южного Колдовства, при жизни она занимала Западный дворец и пользовалась безграничной любовью покойного императора. Говорили, правитель никого к ней не подпускал и лично заботился о её покое и быте.

Но почему имя матери вышито на мужском халате? По здравой логике, люди вышивают свои имена на собственной одежде. Неужто Бай Мохань сшила этот наряд для возлюбленного? Или сама когда-то носила мужское платье?

Какое объяснение ни возьми — всё казалось странным...

<http://bllate.org/book/20606/2149297>